

Пролог

Катрин родилась в семье, где пустую пивную бутылку выкидывали прямо из окна. В туалете их квартиры всегда стоял аромат крепких сигарет «Rothmans Royals», который по вытяжке разносился на несколько этажей выше вместе с руганью — она была в этой семье стандартом нормального общения.

Отец Катрин не работал уже несколько лет. Вся его деятельность заключалась в курении на скамейке возле подъезда, а также в уборке придомовой территории, которую он до этого сам же и загаживал, кидая куда попало окурки и бутылки. За уборку ему доставалась символическая плата от местного домоуправления. Но отец даже не подозревал, что на эту же сумму их семье завышают начисления коммунальных платежей. А оплачивает их его жена. Так что, по сути, мать Катрин спонсировала уборку собственного мусора, а заодно и покупку алкоголя. Им отец регулярно затапливался в местном магазине, который удачно расположился прямо в соседнем доме.

Александр Райн

Катрин росла сама по себе. Чувство родительского долга у ее матери просыпалось лишь ближе к ночи или ранним утром, когда у женщины бывало не самое хорошее настроение, и поэтому она срывалась на дочь по поводу и без.

Катрин было лет двенадцать, когда субботним вечером ее мать перебрала «отвертки» с подругой. Случайно заметив помаду на губах дочери, мать взорвалась: устроила пьяный скандал, сыпала грязными ругательствами. Но, увидев безразличие на лице девочки, не придумала ничего лучше, чем крикнуть: «Проститутка малолетняя!» — и ткнуть тлеющим окурком прямо в глаз дочери. С тех пор Катрин этим глазом видела лишь наполовину. Мать чудом не лишили родительских прав. Она напугала девочку, объявив, что если та расскажет правду, то ее отправят в детский дом, где она умрет голодной смертью. Зашуганная Катрин наврала комиссии по опеке, и в итоге все спустило на тормозах.

Алкоголь пришел в жизнь Катрин, когда ей исполнилось четырнадцать, тогда же случился и первый секс, а через год она втайне от родителей сделала аборт. И все бы шло по накатанной — тысячи подобных историй всегда имеют один и тот же сценарий, один и тот же финал. Девочка увязла в этом болоте еще до появления на свет, и было бы наивно надеяться на то, что соблазнительная топь так легко отпустит ее из своих теплых темных вод.

Но однажды в их подъезд въехала новая соседка, и по болоту пошла непривычная рябь...

Глава 1

Катрин поднималась по лестнице на родной третий этаж, громко топя по бетонным ступеням всякий раз, когда свет в подъезде гас. Датчики шума реагировали на звук, и подъезд заливал тусклый желтый свет. Девочка возвращалась после очередной гулянки с местной шпаной — в этой компании она проводила большую часть своего свободного времени.

Еще не преодолев последний лестничный марш перед третьим этажом, Катрин заметила на площадке мебель, совершенно не вписывающуюся в местный колорит. Люди, живущие в этом доме, являлись далеко не самыми успешными представителями общества. Они ютились большими семьями в холодных квартирках с совмещенным санузлом. И когда Катрин увидела массивный деревянный стол, занимающий половину лестничной клетки, девочка не смогла пройти мимо. К тому же этот исполин стоял прямо напротив ее двери.

Запах благородного дерева был таким насыщенным, что перебивал аромат жареных пельменей, до-

носившийся из квартиры Катрин. На столе идеально ровной стопкой лежала колода карт, рядом с ней — несколько упитанных книг в толстых кожаных переплетах (вес фолиантов можно было ощутить, просто посмотрев на них). Чуть поодаль стояли вытянутые фужеры для вина. Катрин без лишней скромности провела по столу рукой — на подушечках пальцев не осталось ни пыли, ни пленки жира. Затем девочка взяла в руки колоду карт с какими-то чудными картинками, бесцеремонно ее перетасовала и, сложив в безобразную пирамидку, бросила назад. Оставив без внимания книги, она потянулась к фужерам.

— Я попрошу тебя не трогать фужеры своими грязными пальцами, мне потом из них пить, — обратился кто-то к Катрин так резко, что от неожиданности девочка отскочила от стола и больно ударилась о ручку собственной двери.

Свет погас. На площадке этажом выше мерцала оранжевая точка. Катрин топнула, датчик звука послушно щелкнул, и единственная лампа озарила подъезд унылым светом. Наверху стояла незнакомая девушка в темном платье с поясом. Платье имело довольно откровенный вырез. Девушка была младше матери Катрин, но значительно старше самой девочки — вполне сгодилась бы ей в тетки. Тонкое лицо, припухшие губки, аккуратный носик, ямочки на щеках, тщательно уложенные волосы угольного цвета — все эти черты идеально подходили друг другу и ужасно бесили неидеальную Катрин, подростковая кожа которой была покрыта угрями и ненавистными с детства веснушками. Острый нос раздражал ее чуть мень-

Ученица ведьмы и узы проклятой крови

ше, чем тонкие губы и маленькие глазки, которые не могла спасти никакая подводка. Растрепанные волосы, доставшиеся в наследство от матери, походили на прелую солому и не могли сложиться в какую-либо прическу, зато прекрасно прикрывали незрячий глаз, который Катрин прятала под челкой.

Незнакомка стояла боком, руки ее были скрещены на груди, в одной руке тлела тонкая сигарета, и приторный дым вылетал в открытое окно.

— Пф-ф, — фыркнула Катрин и, нервно покрутив ключом в замочной скважине, исчезла за дверью.

В течение всего дня из подъезда доносились звуки тяжелой ходьбы и крепкий мужской мат. Грузчики таскали мебель на этаж и заносили ее в квартиру новой соседки. Пришедшая с работы мать Катрин, не успев перевести дух, прямо с порога заявила так громко, что ее слышала вся лестничная площадка:

— Не, ну вы видáли?! Весь подъезд заставили своим хламом! Видите ли, у нас новые жильцы! А то, что старым с сумками ни пройти ни проехать, им уже наплевать! Дальше чего от таких вот ждать?!

Эти слова не были адресованы кому-то конкретно. Их должны были услышать, принять во внимание и расценить как знак недовольства, которое в лицо не высказывают, но обсуждают вслух (руководствуясь принципом «за своими стенами говорю что хочу»).

Катрин не любила эти показушные замашки, но в чем-то была солидарна с матерью: новая соседка ее тоже бесила, хоть и беспричинно.

Следующий день — выходной. Родители Катрин были заняты каждый своим делом: отец спал до уж-

на после утренней попойки, а мать шаталась по рынку в поиске самых дешевых туфель. Ответственной за обед осталась Катрин. Обычно к столу подавали макароны с дешевой вареной колбасой или яичницу из десятка яиц. Вот и сейчас «повар» топил в подсолнечном масле кашу из переварившихся спагетти и ломтиков «докторской». Катрин собиралась добавить в блюдо черный перец и перемешать, когда ее внимание привлекли голоса из подъезда. Девочка убавила огонь и подошла к двери. Прислонившись ухом к облезлой обивке, она затаила дыхание и прислушалась.

— Это от глаза. Порошок нужно принимать ровно в полночь каждые третьи сутки, начиная с первой полной луны, то есть со вторника. А это засунете под дверь.

Катрин узнала голос — он принадлежал их новой соседке.

— А поможет? — Этот сомневающийся голос был незнакомым.

— Если не поможет, я дам вам кое-что по сильнее.

— Сколько я вам должна?

— Думаю, мы сочтемся в следующий раз.

«Что это она там втюхивает?» — заинтересовалась Катрин.

Будет неудивительно, если это окажутся наркотики. В прошлом году одного из соседей уже накрыли с его домашним «гербарием». Что ж, придется заново привыкать к шприцам и дырявым бутылкам, раскиданным по всему подъезду...

За размышлениями Катрин не заметила, что квартиру заполнил горький дым, идущий от оставленной на плите еды.

Ученица ведьмы и узы проклятой крови

— Спасибо, спасибо большое! — сказал незнакомый голос. Через несколько секунд послышались быстрые удаляющиеся шаги.

— Любишь подслушивать? — вдруг громко спросила соседка, явно адресовав свой вопрос Катрин.

Та отшатнулась от двери и на цыпочках побежала назад на кухню. Увидев почерневшее месиво, девочка выключила газ и накрыла сковороду крышкой. Юное сердечко от волнения колотилось как сумасшедшее. Катрин уселась на табурет и, затаив дыхание, стала ждать. Через секунду в подъезде раздался звук хлопнувшей двери. Катрин выдохнула, затем налила в стакан воды и выпила залпом.

«Как она меня услышала?» — стучало у нее в голове.

Остаток дня прошел обычно. Катрин умела быстро приходить в себя, поэтому через пару часов спокойно покинула квартиру, уже не боясь встретиться с соседкой лицом к лицу.

«Подумаешь, фифа какая ушастая», — думала она с интонацией своей матери, которая постоянно вела себя так, будто была очень деловой особой.

В подъезде все чаще стали появляться новые люди. Сомнительные личности — ни с кем не здоровались, старались не показывать лиц, при виде кого-то из жильцов быстро скрывались — все они были гостями новой соседки.

Торговка наркотиками действовала слишком смело. Появление людей в погонах было лишь вопросом времени. Скоро квартира снова будет выставлена на продажу, и это, безусловно, радовало. Но

полиция все не появлялась. Не было ни дня, чтобы мать Катрин не упомянула о соседке.

— Мне кажется, она проститутка. Аркадий, чего молчишь?! — пинала она мужа.

— Я, я йе у... — что-то несвязное мычал в ответ отец.

Слова ему давались с трудом — он был единственным членом семьи, которого интересовала только его вечно страдающая от похмелья голова и ничего больше. Аркадия не волновало даже то, что он надевал майку задом наперед, и уж тем более ему была неинтересна новая соседка.

— Завтра пойду к участковому и скажу, чтобы он взял ее на заметку. Ишь чего удумала — приемы на дому устраивает! Мне тут всякие извращенцы спидозные на хрен не сдались! — Мать бухтела, как старый пылесос: долго, громко и нудно.

Катрин молча кивала головой, поджав губы и уткнувшись в мобильник. Она-то знала, кто и зачем приходит на их этаж. Но девочка не спорила и не рассказывала об услышанном — достаточно было того, что мать решила взять дело под личный контроль.

Девочка как раз писала сообщение с новостями своей подруге, когда ей прилетело тревожное СМС: «Ты оставила свой дурацкий бабский дневник в подъезде, заберешь в тридцать пятой квартире».

«Как это я оставила дневник?!»

Катрин резко вскочила со стула, испугав мать, которая делала маникюр за обеденным столом. Поранив палец, женщина сунула его в рот и, не вынимая, выругалась вслед убегающей дочери.

Ученица ведьмы и узы проклятой крови

Катрин влетела в свою комнату, подняла засаленный красно-коричневый портфель и, скрипнув молнией, вывалила его содержимое на кровать. Целая гора разностей посыпалась наружу: ручки, тетради, обертки от конфет, пивные крышки, прокладки — все, что угодно, но только не дневник. И тут Катрин вспомнила, что вчера вечером, когда они с подругой пили пиво в подъезде, она выложила дневник, чтобы спрятать в портфель пачку сигарет, а в итоге...

«Я точно помню, что убирала дневник обратно, точно помню... или нет...»

В этом дневнике было слишком много личной информации, чтобы кто-то совал туда нос. Мать понятия не имела о том, что Катрин сделала аборт; о том, что дочь в прошлом году была не у бабушки, а провела все выходные у подруги на даче; о том, что она пробовала два года назад нюхать клей вместе с одноклассниками... Все это девочка описывала в своем дневнике, причем с мельчайшими подробностями. Только так Катрин чувствовала себя более-менее нормально, словно все, что происходит с ней, — это какой-то дурацкий сценарий, выдуманная история, драма, которая сгодится для авторского кино, но не для реальной жизни обычного подростка.

Где-то в груди появился неприятный ком, он перекрыл дыхание, а затем опустился по пищеводу в область желудка. Квартира под номером тридцать пять принадлежала той самой соседке напротив, которая ужасно не нравилась всей семье Катрин.

«С одной стороны, хорошо, что дневник нашла новая соседка, а не кто-то из знакомых. Возможно, с ней удастся договориться», — подумала девочка.

Прокрутив всю ситуацию в голове и приняв решение не волноваться раньше времени, Катрин вдруг осознала, что упустила одну важную деталь:

«Так. Стоп. Где она вообще нашла мой номер телефона?»

Не найдя ответа на этот вопрос, но хотя бы прикинув, как и что нужно говорить, Катрин обулась и вышла из квартиры.

Раньше напротив жила милая старушка, которую все в подъезде любили и уважали. Она всегда была очень добра с Катрин и при каждой встрече интересовалась делами ее семьи. Остальных соседей не волновали чужие проблемы, но эта женщина дарила уют целому подъезду.

Однажды в ее квартиру проникла парочка отбитых на всю голову «торчков» из соседнего района. Они давно следили за старушкой, знали ее распорядок дня, поэтому все спланировали заранее. Дождавшись, когда бабушка получит пенсию и пойдет за покупками на рынок, двое отморозков разворотили деревянную дверь и вынесли все, что имело хоть какую-то ценность, включая накопления за пару месяцев.

Старушку хватил неслабый удар — эта ситуация в корне изменила всю ее жизнь. Она долгое время не появлялась на людях, продукты ей носили родственники, а иногда даже соседи. Тех двоих поймали через три дня во время очередной кражи, а сознательные жильцы (к их числу не относилась семья Катрин) скинулись и поставили женщине новую дверь — красивую и, главное, надежную.

Старушка умерла лет семь назад, и с тех пор квартира пустовала, пока ее повзрослевший внук не продал жилплощадь.

Ученица ведьмы и узы проклятой крови

Новая соседка, еще не успев въехать, первым делом заменила дверь, которую когда-то жильцы подарили бедной бабушке. Но что больше всего удивило Катрин, как и всех остальных, — новая дверь и рядом не стояла с предыдущей. Обшарпанная, вся в потертостях, обитая непонятного цвета кожей — то ли потемневшей от времени, то ли изначально грязной, словно ее принесли с помойки. Цифр, как и ручки, на двери не было, отсутствовал также и глазок.

Катрин смотрела на дверь и не решалась подойти. Но дневник нужно было забрать, а значит, настало время заканчивать с этими «детскими страхами». Девочка подошла поближе и начала искать глазами звонок, но безрезультатно. Тогда, глубоко вздохнув, она стукнула костяшками пальцев по двери, и та на несколько сантиметров приоткрылась.

— Эй, есть кто дома? — тихонько спросила Катрин, заглянув в образовавшуюся щель.

— Заходи! — донесся изнутри женский голос.

— Мне только дневник забрать! — чуть громче сказала Катрин, не желая переступить порог квартиры.

— Заходи, я сказала, или ничего тебе не отдам!

Приказной тон соседки и страх не получить назад дневник заставили Катрин повиноваться. Толкнув дверь рукой, она сделала несмелый шаг вперед. Кромешная тьма встретила прямо с порога, словно Катрин попала не в квартиру, а в подвал.

— Закрой за собой дверь! — Голос шел откуда-то издалека. До Катрин доносились только его глухие отзвуки, будто здесь были не стандартные пятьдесят квадратных метров, а все двести.

Девочка тихонько закрыла дверь, и тьма тотчас же растаяла, превратившись в полумрак.

«Должно быть, здесь тоже датчики шума», — подумалось ей.

Перед Катрин возник длинный коридор с дверями по обе стороны, размер которого не укладывался в голове. В доме не могло быть такой планировки! Если зайти в квартиру Катрин, то сразу попадаешь в небольшую прихожую, справа — кухня, слева — спальня родителей, прямо — комната Катрин и санузел. Все квартиры в здании одинаковые, так что никаких коридоров быть не могло, да и потолки... Стены в квартире соседки оказались нереально высокими — метра три с половиной, то есть примерно вполтину выше, чем дома у Катрин.

«Когда она успела скупить полдома и перепланировать его?» — задумалась девочка, глядя на все это.

— Ты долго еще будешь там стоять? У меня, вообще-то, дел сегодня выше крыши! — Раздраженный голос шел из крайней двери справа, третьей по счету.

Преодолев легкое оцепенение, Катрин наконец сделала шаг — паркет под ногами недовольно скрипнул. Она медленно продвигалась вперед, осматриваясь по сторонам. Коридор был узким, унылые полосатые обои цвета венозной крови отклеивались по швам.

«Наверное, ремонт здесь не делался со времен бабушки-одуванчика», — говорил внутренний голос Катрин.

В голове мутилось от стоявшего в воздухе тяжелого запаха лекарств, перемешанного с ароматом сладких духов. Катрин добралась до первой двери и осмотрела ее. Поверхность — деревянная, вся в царапинах, слов-

Ученица ведьмы и узы проклятой крови

но ее долгое время возили по бетону. Облупившаяся краска осыпалась вниз и скапливалась на полу бежевой пылью. Катрин прислушалась. За первой дверью кто-то ходил, скрипя половицами, и тихо бормотал. Девочка попыталась разобрать слова, но это оказалось невозможно — звуки никак не связывались между собой и напоминали лепет умственно отсталого.

— Я считаю до трех. Если ты сейчас же не войдешь, можешь выметаться к чертовой матери! Точнее, к *своей* матери! — раздался гневный крик девушки, показавшейся из дальней двери.

Катрин повернулась на крик и краем полуслеплого глаза заметила удаляющуюся в комнату фигуру. Ей показалось, что хозяйка квартиры была... голой. Катрин сглотнула подступившую от волнения слюну и пошла в сторону открытой двери, из которой в коридор просачивался тусклый дневной свет. Через пару секунд из комнаты раздалось противное:

— Ра-аз!

Подойдя к комнате, Катрин осторожно потерла вспотевшие ладони и, собравшись с духом, заглянула внутрь.

«Что за хренотень?!» — девочка чуть было не сказала это вслух.

Комната оказалась просто огромной. Такой огромной, что если у противоположных стен поставить ворота, то вполне можно было бы играть в мини-футбол. Катрин дошла до середины помещения и начала осматриваться. Следующее, что бросилось в глаза, — бесконечное множество книг. Они жались вплотную друг к другу на стеллажах, лежали стопками на тумбочке.

Пыльные тома с незнакомыми названиями на корешках смотрели на Катрин с антресолей, и даже на полу валялось немало фолиантов.

В дальнем углу комнаты расположился тот самый дубовый стол, на котором в день первой встречи Катрин с соседкой лежало несколько толстенных томов и стояла пара бокалов, наполовину заполненных красной жидкостью. Точно такой же бокал блестел на подоконнике, в нем жидкости было чуть больше, и еще один стоял на...

«Камин?! В самом деле, что ли?!»

В перепланировку комнат еще можно было хоть как-то, с натяжкой, но поверить. А камин! Самый настоящий, кирпичный, в котором так задорно потрескивают крючковатые поленья, — здесь, на третьем этаже многоквартирного дома? Это уже перебор.

Широкая дымоходная труба вреzáлась прямо в потолок и, судя по всему, проходила через соседские квартиры на крышу. Но Катрин готова была поклясться, что из крыши их дома никогда не торчала труба и не шел дым. Над камином сушились различные цветы и травы, от которых исходил тот самый аромат лекарств. Все это было невероятно, уму непостижимо. Катрин подумала, что она, должно быть, надышалась этими запахами: «Травы, наверно, галлюциногенные».

Внутренности девочки от волнения сжимало, как после первого в жизни глотка тяжелого алкоголя. Ей захотелось как можно скорее сбежать прочь из этой странной квартиры и никогда больше не возвращаться. Она повернулась к двери и уже хотела было выйти, но тут увидела свой дневник. Его держала хозяй-

Ученица ведьмы и узы проклятой крови

ка квартиры, вальяжно развалившаяся на небольшом красном диванчике справа от входа. Катрин не показалось — девушка действительно была абсолютно нагой.

Без толики смущения, закинув ногу на ногу, она читала содержимое дневника, попивая напиток (должно быть, вино) из бокала и даже не обращая внимания на то, что Катрин смотрела на нее изумленным взглядом.

— От-отдай, отдайте мой дневник! — наконец выдала из себя Катрин дрожащим голоском.

— Подожди немного, я заканчиваю, — сказала девушка и, перевернув страницу, сделала глоток.

Ярость вдруг вытеснила все остальные чувства Катрин, а потом так же резко переполнила ее.

— Отдай, я сказала! Отдай немедленно! Ты, сука чертова! — Хриплый от сигарет голос девочки звучал неестественно высоко и истерично.

Она подбежала к дивану, но хозяйка квартиры, даже не повернувшись, плеснула вином прямо в лицо Катрин. От неожиданности девочка ахнула и остановилась.

— Остынь, истеричка малолетняя!

Соседка встала с дивана и сделала шаг к девочке. Та машинально отступила назад, губы ее предательски задрожали.

Катрин молчала. Она ненавидела эту мадам за то, что она заставила ее прийти сюда, за то, что так бесцеремонно читала ее личный дневник; она ненавидела ее за невероятную красоту и сексуальность, а также за то, что та плеснула ей в лицо вином.